

А добръ, франни!...

ПРИРОДА и ЛЮБОВЬ,

ИЛИ

КАРТИНА

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО СЕРДЦА.

Сочиненіе Г-на Ла-Фонтена.

Перевелъ

Иванъ Тимковскій

съ прешьяго исправленнаго на
Нѣмецкомъ языкѣ изданія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе шрешіе.

МОСКВА 1816.

Въ Университетской Типографіи.

Съ одобренія Университетской
Цензуры.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Что мнѣ скажешь Чишпашелямъ своимъ, чшобъ заинтересовашь ихъ къ моему *Натуральному* *человѣку* (*)? Да! великій Мерсье написалъ уже почти *Нашуральнаго* *человѣка*; я читалъ его, и нашель, что книга прекрасна, а только заглавіе нейдетъ. Можетъ бышь у меня книга и заглавіе негодны, и слѣдовашельно — рѣшеніе не шрудно!

(*) Подлинной шипуль предлагаемой здѣсь повѣсти въ оригиналѣ естъ: *Natur und Liebe, oder der Naturmensch.*

Натуральной человѣкъ!!! —
Можешь бышь опъ такого чело-
вѣка ожидающъ очень спранныхъ
приключеній: по крайней мѣрѣ
нѣсколько убійствъ, нѣсколько
дѣшей любви, пренебреженія ко
всѣмъ законамъ обществъ, или по
крайней мѣрѣ къ законамъ при-
роды; и находяшъ вмѣсто того —
человѣка просшаго, копорый опъ
всего сердца любишъ опца, и на-
ходишъ въ Индіи супругу, кошо-
рая дѣлаешъ его счастливымъ,
хотя впрочемъ во всѣхъ почти
нашихъ романахъ предыдущее на-
зывается природою.

Я могъ бы теперь, и еще съ
большимъ правомъ, нежели когда

нибудь, согласишься на поговорку:
 Votre seule Nature est presque insupportable! — но эта поговорка не съблаещь книги моей занимательнѣе.

Можешь быть Лорда Гильнеша будешь называешь глупцомъ, отвращаешь съ омерзѣніемъ глаза ошь домашней сцены моей фамилии и скажешь: это бываетъ у насъ каждый день въ домахъ! спашешь смѣяться надъ моралью спараго Парія, не смотря, что она находится уже у Г-на Сентъ Пьера въ Индѣйской хижинѣ: и я однакожь все это написалъ съ шѣмъ, чтобы повѣсть моя правдась, прогала и, ешьли можно,

обратила взоры людей на то счастье, которое доставляетъ намъ домашняя связь мапери съ дыпящею и простой натуральной образомъ жизни.

Авторъ.

ПРИРОДА И ЛЮБОВЬ.

Лишь тамъ, гдѣ царствуетъ природа,
Гдѣ царствуютъ ея законы, —
Любовь не знаетъ принужденья
И вѣкъ свой въ радостяхъ проводитъ.
Алексисъ, Дафною любимый,
Тамъ любитъ сердцемъ — не словами;
И хижина его любезной
Дороже для него короны.
Едва взойдетъ заря румяна,
Ужъ съ вѣшвей близъ спящей лицы
Вспрѣчаетъ соловей ихъ пѣсню;
Взойдетъ луна, и на пушистомъ,
На мягкомъ мхѣ ждетъ сонъ ихъ сладкій.
Ихъ занавѣсъ — густыя вѣшви,
Свидѣтель ихъ — уединенье,
И нѣжная любовь приводитъ
Къ Алексису его пашушку.

*

„Такъ, священная природа“ воскликнулъ Лордъ Гильнетъ и обратился взоръ свой въ небо: „такъ, священная природа! въ семъ прекраснѣйшемъ своемъ храмѣ ложное ис-

күсство не должно исказить ни одной нржной черты! — И если на всемъ земномъ шарѣ нивто уже не спавитѣ тебѣ жертвенника, то я одинъ воздвигну его тебѣ здѣсь — среди моей пустыни! Тутъ буду я жить въ объятїяхъ твоихъ, неизвѣщенъ чудовищамъ, копоры называются — людьми!»

Такъ говорилъ Лордъ, и бросился пошомъ у подошвы холма подѣ шѣнь стараго дуба. Съ вротоспїю смотрѣлъ онъ на сына своего, гоняшаго всюду за бабочкою, копорая кружилась надъ нимъ, манила въ разныя стороны, и вдругъ пошомъ поднявшись вверхъ, исчезла за горами.

Мальчикъ смотрѣлъ съ досадою въ слѣдъ за нею, оборотился къ ошцу и, показавъ рученкою въ шу сторону, куда она полетѣла, сказалъ: *простенькая!*

„Это радости мїра сего!“ воскликнулъ Гильнешъ: „онъ безпрестанно порхающъ около насъ, влекутъ насъ то въ шу, то въ другую спо-

рону ; и когда мы думаемъ ихъ схватить — онъ улетаетъ , и уносясь съ собою всю нашу надежду. “

Мальчикъ смотрѣлъ приспально на отца и думалъ : если только она прилетитъ назадъ , то вѣрно будетъ моя.

Лордъ Гильнетъ, богатый Лордъ Гильнетъ былъ отверженъ всѣмъ свѣтомъ : друзья его обманули. Министръ употребилъ сего простаго , честнаго человека орудіемъ своихъ пронырствъ такъ , что онъ и не примѣтилъ шага. Одинъ несчастный , котораго Гильнетъ съ женою и дѣтьми испортилъ изъ страшнѣйшей бездны нищеты , сдѣлавъ прошивъ его ложную присягу , которая едва не лишила Лорда всей чести и всего имѣнія. Братъ его , любимый имъ съ нѣжностію , шелъ также прошивъ его , какъ будто подкупленный врагъ , и старался низвергнуть его. Лордъ Гильнетъ оставилъ Дворъ , сложилъ съ себя должность , удалился въ свои помѣстья , и скоро

въ объятіяхъ прелестной, но бѣдной дѣвицы забылъ измѣны свѣща. Она родила ему Вилліама, и Лордъ опредѣлилъ ей значное содержаніе на случай ея вдовства, и далъ слово исполнять всѣ ея желанія; ревностнѣйшимъ ежедневнымъ стараніемъ Лорда было спокойствіе его супруги. — А она? — Она оставила нѣжнѣйшаго, самаго вѣрнаго супруга, — бѣжала съ однимъ извергомъ, копорой жилъ нѣсколько времени въ Лордовыхъ помѣстьяхъ, и очернила имя его клеветною, чтобъ только оправдать себя.

„Проклятъ, проклятъ да будетъ тотъ!“ сказалъ Лордъ съ свирепствомъ, услышавши о зѣвскомъ посяпкѣ своей жены: „проклятъ да будетъ тотъ, кто первый поспавилъ жизину свою возлѣ жизины другаго человека!“ — Онъ цѣлой мѣсяцъ пробылъ въ глубочайшемъ уединеніи и не выходилъ изъ комнаты. Хотя въ концѣ сего мѣсяца и появился опять, но бродилъ всегда

въ самыхъ дикихъ мѣстахъ своихъ помѣстїй и носилъ въ груди непримиримую злобу на всѣхъ людей.

Бродя такимъ образомъ, Лордъ Гильнешъ пришелъ однажды въ долину, окруженную шрема горами, коихъ вершины покрыты были всюду частымъ кустарникомъ. Съ шайнымъ содроганїемъ вступилъ онъ въ прохладную шѣнь сей долины, и бросился возлѣ яснаго, чистаго ручья, копорый съ журчанїемъ вытекалъ изъ скалы.

На задней споренѣ долины горы соединялись между собою шѣнѣ, образовали чрезъ то долину и примыкались къ крушой и высокой скалѣ; на верху полукружїя, составляемаго горами, толстые дубы переплешались вѣшвами и образовали прекрасную, самую высокую и прохладную бесѣдку: подъ сею то бесѣдкою лежалъ Лордъ, опершись на покрытую мхомъ скалу; возлѣ него журчалъ источникъ и легкимъ

шумомъ своимъ погружалъ его въ крошкѣя мечтанія о прошедшемъ.

„Удаюсь, удаюсь навсегда отъ людей!“ воскликнулъ Гильнешъ въ сію минушу съ горестью, и бросилъ взоръ свой на заключенную долину. — Онъ осмотрѣлъ со вниманіемъ всѣ части ея, потомъ всталъ медленно; но глаза его все еще обращались по на крупныя горы, споявшія по сторонамъ, по на скалу, возвышавшуюся въ концѣ долины, по на сѣнь, покрывающую его.

„Здѣсь, здѣсь умру я!“ сказалъ онъ. „Эту пустыню образовала природа для меня, обманутаго несчастливца; здѣсь умру я!“

Лордъ Гильнешъ пошелъ домой, взялъ съ собою работниковъ, и въ два мѣсяца споялъ уже въ концѣ долины у скалы спокойный, веселый домикъ, въ одинъ этажъ, и имѣющій немного комнатъ. Слѣбны были приррышы виноградными лозами и жимолосью; прелестный садъ съ шѣнскими, искривленными перехо-

дами, наполненный цвѣтниками и душистыми растѣніями, со множествомъ бесѣдокъ и малыхъ зеленѣющихъ кабинетовъ для чтенія, простирался по южной сторонѣ долины до самаго входа, и окружалъ отовсюду ручей, который въ безчисленныхъ извилинахъ нашолся въ большому и глубокому бассейну, наполнял его холодною водою, и потомъ, пробираясь сквозь густоту кустарниковъ, съ шумомъ вытекалъ изъ долины.

Въ первой комнатѣ были книги, и возлѣ оной крыльцо; въ залѣ жилъ отецъ съ сыномъ; два кабинета назначены были для спальныхъ комнатъ, и еще одинъ покой для стараго слуги; кегельная игра въ саду; биліардъ въ домѣ; вокругъ долины каменная аркада съ опшверстїями по сторонамъ: все въ прїуготовленїя къ уединенной жизни Лордовой. На сѣверной сторонѣ долины былъ прекрасный лугъ для двухъ дюжинъ овецъ; пара гончихъ